

Мария СОЛОДИЛОВА

г. Москва

Барамин

В эту школу он пришёл в девяносто первом году, когда она ещё не была гимназией. Сперва казалось — далеко, добираться долго, подумывал о том, чтобы уйти куда-нибудь поближе, а потом сроднился — не оторвать, да и метро через несколько лет подоспело.

Была уже весна, но не та ещё, когда шальной ветер сушит почтарский клей гибких тополиных конвертов, а лишь обонятельная — когда в воздухе не чувствуется сухой и жёсткий мороз. Вьюжная и переменчивая, но угадываемая и с закрытыми глазами. И давление сегодня прыгает, день тяжёлый.

Зашёл в учительскую. На столе, как и обещала директриса, лежала стопка методичек, учебный план и даже пачка любимого им шоколадного печенья. Ну надо же, запомнили! Впрочем, за два часа до урока уже не до чая с печеньем. Вера Григорьевна позавчера звонила, слёзно умоляла взять старшие классы: «Младшим я уже нашла замену, выручите со старшими». Попытался возражать — там же контрольные, олимпиадников вести, да и не занимался этим много лет, но директриса просила, и он согласился. Был вечер субботы, доедали торты со дня рождения супруги — и до понедельника оставался ещё некоторый запас времени.

По первому образованию он был биологом, правда, недоучившимся: вышел конфликт с преподавателем («я не Базаров — лягушек резать»), так что быстро отчислили, забрали в армию. После армии поступил на филфак, где и закончил все пять курсов. Аспирантуру бросил, так получилось: академ взял на год, а мать перед смертью лежа-

МЕЖДУ
ЗЕМЛЕЙ И НЕБОМ

чей была года полтора. Кому ж ещё за ней ухаживать, как не ему, младшему? Пришёл в школу, да так и остался на всю жизнь. Сперва вёл только русский и литературу, а когда стало тесно — выпросил себе ещё МХК, и теперь вот надо заменить биологичку. Впрочем, её всё равно надо было заменять — собиралась в декрет, но внезапно попала в больницу с преждевременными родами. Позвонил ей с утра — младенец, слава богу, живой, но пока в реанимации. Мальчик. Только хотел спросить про уроки — связь оборвалась, телефон разрядился. Попробовал ещё раз — опять поговорить не удалось: то у них обход, то УЗИ, а теперь вот осталось всего два часа до урока.

Ну что ж, пора действовать. Девятый класс. Даже интересно встретить свой класс (он считал всех старшеклассников своими) в столь необычном амплуа. Начал с верхней методички: по порядку — уменьшение часов биологии в пятых и шестых классах, проведение экскурсий, о лабораторных работах восьмого класса... Не то, не то, и хоть бы с оглавлением кто постарался, а то приходится по тексту искать... Так... Написание сочинений на биологические темы с выставлением оценок сразу по русскому и биологии — как раз темы сочинений и удалось набросать в выходные, до прочего — руки не дошли. При разговоре об эволюции предлагается учитывать доводы креационистов, чтобы не ронять авторитета. Интересные, однако, тенденции — чтобы и не против Дарвина, и в дураках не оказаться. «Креационисты признают микроэволюцию...» И хоть бы одна фамилия из этих самых креационистов! Вот уж где попадёшь впросак! Остаётся надеяться, что не спросят. А если всё-таки? Впрочем, сейчас надо думать о предстоящей теме — «размножение и развитие», и так не лёгкой, которой вся эта эволюция касается постольку-поскольку... «Единица творения... так называемый барамин...» Слово это закачалось и поплыло, как звенящая волна, побрякивая скользкими боками, как серебристо-голубая рыбина... Звонок? Вот уже час осталось... И давление что-то сегодня...

Вопросительно скрипнула дверь:

— Александр Иосифович, будете Валерия Петровича поздравлять? С шестидесятилетним юбилеем...

— Марина Львовна! Уж вы-то должны знать,

что юбилей — это пятьдесят лет, а не десять, пятнадцать или шестьдесят! Сколько в прошлом году твердили про юбилей школы и меня не слушали, но ведь это же...

Нетерпеливая гримаса:

— Понимаете, я во вторник уезжаю, а мы заранее стихи сочинили, вот текст... Он небольшой... А классный журнал седьмого «б» не видели?

— Да вот он на столе...

— Тогда я заберу, у меня урок... Вы меня выручите со стихами, Александр Иосифович?

— Конечно, раз уж такое дело...

Не многие его здесь любили, но робели и побаивались почти все — как человек увлечённый он мог уличить в неправильном употреблении слова или понятия, а однажды на своём уроке, откровенно разругав преподавание музыки, обронил, что в детстве бегал слушать орган в ближайшем уцелевшем костёле. На следующей же неделе весь класс сбежал с урока, но самое удивительное — половина прогульщиков действительно на орган! Директриса и та вполголоса пыталась ему втолковать, что нельзя же вот так, при детях, критиковать другого преподавателя, но он с искренним непониманием ребёнка возражал — ну не преподавание это, халтура... Кстати, после этого пришлось подыскивать преподавателя музыки, который вполне его устроил, зато потом на олимпиадах дети поражали проверяющих знанием произведений русских композиторов... А однажды на контрольной по МХК, где присутствовала высокая комиссия, назвал Египет Мицраимом. Нервной поступью ходил по рядам, бормоча стихи про караван, «по всему видать, из Мицраима¹». Дети-то прекрасно поняли подсказку, а вот заоблачно высокая комиссия чуть не устроила скандал — преподаёт-де непонятно что — из чего выяснилось, что они просто не знали этого варианта названия Египта... То задаст сочинение по истории фамилий, то, увлёкшись, кинет идею — а составьте-ка родословную... И ведь составляют. К бабушкам-дедушкам пристают, в Сети ищут, если те отнекиваются... Много бывает «открытий чудных», особенно с войны — то найдут родственника,

¹ Из стихотворения Семена Липкина «Возвращение из Египта».

потерявшегося в детдоме, то умирающая прабабушка расскажет вдруг, что дед родился после изнасилования немцем, а то узнает «племя младое, незнакомое», что двоюродный дед был полицаем и расстреляли его свои же... Тот мальчик, который это откопал, как-то потемнел, замкнулся — может, и это ещё не последняя правда о той войне? И нужно ли это вместо пустопорожне-праздничных встреч с ветеранами, которые до сих пор всех устраивали?

Только взялся за учебный план — запиликал сотовый, звонит жена из поликлиники: Саша, сходи в аптеку, я тебе продикую что купить — креон и тантум верде...

...Анакреон. «Нас было много на челне...» Тетушка Верди. Танатум Верди. Эрос и Танатос...

...И не может ли он сегодня Полину на танцы отвести, а то тут такая очередь, такая очередь...

Просто аврал какой-то. Боевые действия.

Вошёл в полупустой класс за пять минут до урока:

— Ирина, сотрите пока с доски...

— Хорошо.

К старшеклассникам всегда обращался на вы — это дисциплинирует. Тоненькая, белёсая, как зимняя берёзка, — обесцвеченная чёлка, белая блузка, перламутровый широкий браслет на руке... Вытирает, а сама украдкой мел хрукает — губы белые, зубы все в мелких крошках, и вся будто жмурится от удовольствия... Что за народ? Жена тоже всю жизнь мел грызёт. Что в нём хорошего? Не заметил сам, как мысли вырвались вслух.

— Вы — млекопитающиеся, а мы — ещё и млекопитающие...

— Ценное замечание. Согласно правилам русского языка, мужчина и женщина — действительно разнятся в дееспричастиях... Вам бы в КВНе выступать с загадками. Угощайтесь...

На прошлой неделе, в короткий, предпраздничный день зашёл глупый, полупьяный разговор об Адаме и его ребре... А он, зная, что есть единое слово для обозначения человека, только взятое в мужском и женском роде, — смолчал... Даже если сказать — поймут ли? Лучше бы им эта девочка свой ребус загадала, чтобы сбить пьяную спесь...

Открыл коробку с мелом — неровно половатые кусочки с острыми краями, пересыпанные мелкой крошкой.

Смутилась.

— Я жене всегда с работы приношу...

— Правда? — Просияла, будто друга нашла. — Знаете, какой он вкусный? Там сухие пузырьки грозы, хруст микеланджеловских каменоломен, горчинка школьных ступенек... Да я целую оду могу про мел написать!

— Хорошая идея. С интересом прочитаю. Поломоносовски или по-державински? Кто окажется ближе?

— А вы знаете, почему он пресный? Ведь кости-то древних ящеров — из моря, теоретически всё должно быть солёное...

— Так ведь и наша кровь — солёная... Напишите пока темы сочинений на этой половине доски.

Разошлись. Он, выверяя цитаты, бормотал:

*...И бомбою мстим водородной
Ещё не рождённым потомкам своим
За собственный грех первородный².*

Ирине же досталось стихотворение про лягушку, которое он всегда читал одиннадцатиклассникам, и она, чтоб не сбиться в нарастающем придурочном гуле, тоже проверяла:

*В долгих муках она умирала.
В каждой жилке стучали века,
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака³.*

Здесь они рассаживались иначе, тут была своя «Камчатка». Правда, всё-таки отличники-гуманитарии, которых он привык видеть в первых рядах на своих уроках, и тут сидели на виду. Класс густел, заполнялся. Многие, явно не ожидая встретиться с ним сейчас, смущались, переспрашивая друг друга. Со звонком — расселись, угомонились. Объявил, что некоторое время будет вести у них и биологию.

— А где Марина Юрьевна?

— В больнице.

— Что с ней?

— Преждевременные роды.

Кто-то из девочек на задних рядах тихо ахнул.

— А ребёнок живой?

² Из стихотворения Арсения Тарковского «Возмездие».

³ Из стихотворения Юрий Кузнецова «Атомная сказка».

— Да, всё в порядке.

...И отчего живое так неудержимо стремится к смерти? Будто спрыгнул с поезда на полном ходу, не дожидаясь остановки...

— Итак, приступаем к уроку. Тема у вас была — размножение и развитие млекопитающих и человека, и, поскольку изучали её самостоятельно, давайте хотя бы пробежимся по основным понятиям, а потом я скажу о темах сочинений.

Загадвали, заканючили:

— Давайте сначала темы сочинений, а то потом времени не останется!

— А вы обещали нам сегодня оценки контрольные сказать...

— Ну, хорошо, хорошо.

Знали: Египет — его маленькая слабость, говорить может часами. Но нет, сегодня он не оправдывает их ожиданий.

— С расшифровкой имён справились плохо-вато. Тутанхамон — помните, я вам говорил — Тот, справедливость Амона? Анх — значок такой, похожий на крест? Ещё на доске рисовал? Апелляция к Амону, верховному божеству. И по пирамидам несколько слов, Максим. Всё самое прочное всегда — храмы, а не дома. И фараонов там погребали из этих же соображений — поближе к божеству. Опять же — изваяния божеств загробного мира. Если бы пирамиды были только усыпальницами — вполне можно обойтись без изображений. Я принимаю ваши мнения, только когда они достаточно аргументированы: пирамиды в качестве электростанций — это уже современное атеистическое сознание, к тому же эта теория не в силах объяснить ни изображений, ни нахождения там мумий... Многие не ответили и на вопросы по Эрмитажу. Да, я понимаю, что ездили не все, но ведь есть и репродукции, я на уроке показывал фильм. У Марины работа хорошая, но есть одна маленькая неточность, по архитектуре: всё-таки Возрождение — это уже не совсем античность, это, скорее, античные мотивы в творчестве... Поэтому — пять с минусом. Подойдите после урока, поподробнее поговорим.

Темы — вот они на доске, как видите, очень свободные, так что из предложенных шести я ожидаю получить бесчисленное количество вариаций — как анализ стихотворения, так и отдельные строки в качестве эпиграфа... Можно

брать индивидуальные темы, но только по согласованию со мной — уже предложили оду мелу. И даже юмористически — мужчина и женщина как биологическая разность: млекопитающие и млекопитающиеся.

— А можно альтернативную биологию разрабатывать?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, у Урсулы Ле Гуин есть рассказ о том, как на одной планете в молодости живое существо бегаёт каким-нибудь животным, а в старости — стоит деревом.

— По сути, вся фантастика — теория эволюции в чистом виде: биология не может объяснить, произошла ли животная клетка от растительной или нет... А чем заканчивается рассказ — какой-нибудь расой суперлюдей?

— Там умирающее дерево передаёт свои свойства человеку...

— Ну, вот видите...

...Всех, кажется, удивило то, что он легко предугадал этот ход...

— Если вам это интересно, я не буду возражать, Михаил, надо только обсудить некоторые моменты, чтобы получилось всё-таки сочинение, а не подражательный фантастический рассказ...

Серьёзный, темноволосый, полноватый, в отличие от брата-близнеца — светловолосого, юркого, которого всё время хочется назвать просто Даней, а не Даниилом.

— А теперь, — он обратился к классу, — десять вопросов: даёте толкование понятия, которое я называю. Небольшая работа на десять минут, приготовили ручки. Итак, овогенез...

Зашуршали, заскрипели. Но всё-таки в привычном рабочем шорохе было что-то не то. Видно, им было немного стыдно за то, что они не такие, как он привык видеть их на уроках МХК и литературы. Сколь непрочно оказалось всё закладываемое в них перед грубым и бессистемным натиском других дисциплин... Будет ли хоть какой-то толк от этого урока?

Справились неплохо. Собрал листочки, на лету проверяя и анализируя ошибки. Пришлось разобрать подзабытое из прошлых тем.

— Сейчас я дам дополнительный материал, для олимпиадников. Кто не хочет, может не записывать.

Все взялись за ручки.

— Итак, партеногенез — пишу на доске, не ошибитесь — тоже половое, но однополое размножение, в природе существует у пресмыкающихся и некоторых насекомых...

Суматошно зазвонил телефон — мало того, что выключить забыл, так ещё и на самую большую громкость поставил:

— Саш, а Саш, а Иришка-то четвёртым беременна! Я боюсь, вдруг она опять будет дома рожать?!

И голос заполошный, будто пожар, полкласса слышит.

— Я, как ты знаешь, был шестым и родился в полусасыпанном окопе по пути с поля, ты родилась в бараке без туалета и горячей воды — и никто не помер, и вообще — у меня урок, потом поговорим...

Ну вот, сбила весь настрой — вспомнил Иришку с её Аликом, Полиной и Максимкой и перлы, оставшиеся после них на холодильнике — «Чтоб врагу не покориться — пейте ряженку с корицей!», «Я пешком хожу под стол и сейчас туда ушёл», и блестящие нити слюней на лысине, и маленькие пальцы ног в бороде, и как сперва тепло, когда писают за шиворот... Класс зашуршал вразной, без труда почувствовав это. Едва закончил про партеногенез. Устал. Сел за стол.

— А вы про клонирование нам расскажете?

— Зачем вам клонирование? У вас об этом даже на олимпиаде не спросят. Ну, хорошо, давайте посмотрим, как происходит клонирование: из яйцеклетки извлекается ядро, и это ядро бомбардируют до тех пор, пока оно не начнёт делиться. И стареет клонированная особь вдвое быстрее. Такой вот парадокс поисков вечного «лекарства от старости». Партеногенез в этом смысле перспективнее.

— Да, для представительниц женского пола.

— Но ведь есть ещё и стволовые клетки... Они же омолаживают... — возразил кто-то из ребят.

— Ну-ну. И кто же это опытным путём доказал? Пока нет достаточных данных, вряд ли стоит спешить с выводами. Да, возможно, что это неприкосновенный запас, но — индивидуально пользования.

Дальше вопросы посыпались один за другим.

— А как вы относитесь к эволюции?

— А почему вы назвали мужчину и женщину разными биологическими видами?

— А почему вы не считаете клонирование размножением?

Отвечал сразу на ворох вопросов — что нередкое самца и самку одного вида относили к разным, что реальной эволюции никто не наблюдал, что размножение — это воспроизведение жизнеспособного потомства, а не деградация в ближайших поколениях... И тут же выборматывал вслух то, что шло изнутри:

— Кого мы носим в себе — предков или потомков? Или тех и других? Сможешь ли счесть песок морской... Будто бы для того, чтобы из одного человека неведомым образом воззвать всех... Заботится ли солнце о земле? Заботится?

— Да...

— Да...

— Да... — зашелестели изумлённые голоса, смущённые ненаучной очевидностью вопроса.

— А почему вы думаете, что мы носим в себе предков или потомков?

— А вам эта мысль никогда не приходила в голову?

Многие так до одиннадцатого класса и не могли привыкнуть к его манере отвечать вопросом на вопрос.

— А что говорит наука по поводу заботы солнца о земле?

— Представьте себе: ничего, — после паузы начал он. — Ставит какие-то никчёмные эксперименты: закрывают людей в тёмной капсуле без еды и воды, а через пару дней интересуются — как вы думаете, сколько времени прошло? Неужели не ясно, что без солнца всякое чувство времени теряет смысл? И самочувствие, и пищеварение, и все другие процессы организма — не могут происходить без солнца! И это вместо жизненно необходимых исследований!

— Лекарства от рака? — подсказал кто-то.

— Не только. Сфера вопрошаний человечества к науке — не только вне морали, но в самой сердцевине её, а наука всё время стремится оказаться «по ту сторону добра и зла», и у неё свои вопросы к природе. И почему мы вынуждены терпеть тех, кто почти ничем не может помочь в решении наших насущных вопросов?

— Каких же?

— Знаете, моя мама работала с младенцами, вывезенными из блокадного Ленинграда, — неторопливо рассказывал он. — Они почти все

умерли. Но нет, не от голода... Потом это назвали «синдромом госпитализма»... Сперва все дети кричали, требуя внимания, ласки. Они цеплялись за всех входящих женщин, кричали каждой «мама». Потом, видя, что на них не обращают внимания, а только кормят — смотрели в одну точку, отказывались от еды и умирали. Но те, кого моя мама и некоторые другие брали на руки, поглаживали по голове, целовали, — выжили! Наука ведь никогда не докажет, что жизнь просто бессмысленна без любви! Поэтому любовь важнее поисков лекарства от рака и эликсира вечной молодости в стволовых клетках. Вообще, все вопросы науки о солнце — для здорового: яркость, притяжение, расстояние... Для слепого всё это бессмысленно. Ему не только важно знать — заботится ли солнце о земле, но и ощущать эту заботу...

— А вы думаете — слепой может это почувствовать? — удивилась девочка возле окна.

— Конечно. Известны ведь компенсаторные механизмы у практически здоровых людей — например, при миопии нередко бывает или обострённый слух или усиленное обоняние. Больные же — они в каком-то смысле не от мира сего... Моя сестра, диабетчица, знаете, какую дозу сладкого могла чувствовать? Нескольких крупинок сахара — на стакан! А иногда, зная, что сахара в стакане нет, говорила — сегодня сладкая вода! Что, никому не случалось общаться с диабетиками?

Молча мотали головами. Не биология уже и не литература — какая-то натурфилософия.

— Итак, кто какие темы выбрал, давайте обсудим, показывайте.

Ответственность человека перед природой с эпиграфом из Кузнецова. Ответственность учёного: перед природой, людьми и собой. Заявленная ода мелу. Пресловутая «альтернативная биология» — полунаброшенное рассуждение о животной и растительной клетках... Говорил же, что надо в одиннадцатом классе давать основы философии! Поговорить ещё с директрисой — эти, пожалуй, дорастут...

— Мы с вами встречаемся во вторник на литературе, работ ваших жду с нетерпением, но сроку даю — неделю.

— А во вторник можно приносить?

— Конечно, можно.

Михаил не на шутку увлёкся — видно, хочет писать прямо сейчас, не отвлекаясь ни на что другое...

Три своих, привычных урока — русский и литература в десятом и МХК в пятом. Давно уже проснувшееся солнце пробудило к жизни оглушительную капель, напряжённую, как барабанная дробь, заставляющую к чему-то прислушаться.

*Все люди — братья,
Мы — седьмая вода,
И мы едем, не зная
Зачем и куда⁴...*

Озадачила его автоматически открывшаяся дверь маршрутки и напомнила строчки, когда стоял на остановке. Снова телефон — Надя: Полину на танцы Иришка отведёт, она уже вышла из консультации... Вот и хорошо — можно зайти домой, наконец пообедать. Домашний обед всегда лучше пирожков у метро, как бы заманчиво они ни выглядели — ни Надя, ни Наташа, ни Иришка, к сожалению, этого не понимают.

Придя домой, поставил щи на плиту, картошку с мясом — в микроволнушку, но спокойно ждать на кухне не мог. Не сиделось. Хотя времени оставалось только поесть, чтобы успеть снова в школу — театральный кружок у малышей, литературная студия у старшеклассников... Думалось — в сотый или тысячный раз: какое число у подлежащего — двойственное или множественное, если глагол — как он с детства помнил — в единственном? Казалось, что если он возьмёт в руки книгу, то без труда всё вспомнит и поймёт — не только написанное, но и то, что читается между строк...

Прошёл к себе в кабинет — бывшую детскую — тесную восьмиметрушку, уставленную книгами, чтобы там, во втором ряду высокого книжного шкафа, найти ту самую, потрёпанную, забытую на много лет, и прочитать давно знакомые слова: Бара Элохим...

⁴ Из песни Виктора Цоя «Троллейбус, который идет на восток».

Катерина Бернгардт

*Расскажи мне историю этого мира,
Удивись количеству прожитых лет,
Расскажи — каково быть мишенью в тире.
У меня есть вопрос, на который
ты не дашь мне ответ.*

В.Цой

Тина не помнила, как она в тот день дотаскилась до работы. В голове будто что перекатывалось туда-сюда, нос был заложен, но хуже всего казалось ощущение горячих и будто чешущихся глаз. Вечером, когда Тину настиг противненький насморк, она немедленно выпила чая с коньяком и лимоном, а потом ещё шипучий витамин. Не помогло. Голос изменился настолько, что не узнавали по телефону. Пришлось-таки отпрашиваться в поликлинику, хотя начальница отпускала с явной неохотой, а телефон прямо-таки раскалывался от звонков, что, впрочем, не редкость в их маленькой телефонной компании.

В поликлинику надо было ехать через полгорода, а потом ещё и пробиваться, чтобы пустили без очереди, ссылаясь на температуру и головную боль. Температура, впрочем, и в самом деле оказалась нешуточной, так что Тину, выбивающую зубами дробь, усадили на кушетку и велели дожидаться «скорой». «Скорая» приехала довольно быстро, но, пока пробиралась через пробки, обросла спереди и сзади такими же бело-красными машинами, так

что к больнице подъехали все разом этакой птицей-тройкой.

В приёмной их — Тину и ещё двоих, намного более беременных — сдали дородной санитарке с неприветливо-строгим лицом. Одна была совсем девчонка, лет восемнадцати, но, видно, уже на последних неделях — белобрысая, зарёванная, с простоватым деревенским лицом. Вторая была примерно ровесницей Тине — высокая, обесцвеченно-светловолосая, ещё стройная, но с едва выпирающим животиком.

В санитарную комнату первой вызвали белобрысую (Тина слышала, как санитарка кричала на неё), потом — стройную обесцвеченную с проклёвывающимся животиком, а уж последней — Тину.

В санкомнате велели лечь на холодную кушетку и раздвинуть ноги. От пупка до колен обрызгали остатками холодного дешёвого шампуня и быстро, почти без порезов, обрили лобок корявой советской бритвой.

— Меня-то зачем, мне ещё не рожать, четвёртый месяц?!

— Так положено! — властно ответила санитарка, и Тина сочла за лучшее не ругаться, помня о белобрысой.

В лифте ехали вместе, в новеньких пёстрых халатах и казённых тапках — зарёванная Маша, эффектная Марина с полураспустившимися локонами и поминутно сморкающаяся Тина. Определили всех в одну палату на четверых — светлую и довольно просторную, только вот в палате уже сидели двое — какая-то молоденькая девчонка кавказской внешности и наша, русская, в очках и с тёмно-русой косой, по виду едва ли старше Тины.

Больше всего Тина сейчас мечтала лечь на кровать, но Марина немедленно захватила место у двери, а Машу тут же подключили к капельнице, так что пришлось довольствоваться стульчиком. Малика, переплетая свою длинную чёрную косу, на неплохом русском уверяла, что её уже выписали и сейчас придут забирать. И правда, вскоре пришла сестра-хозяйка застилать мусульманскую постель свежим бельём, так что Малика в своём длинном бархатном платье, надетом на шёлковые штаны, и косичка, назвавшаяся Екатериной, вышли в коридор.

Как раз в это время Тиной вдруг заинтересовалась начальница. В палате почему-то связь была плохая, поэтому пришлось выйти в коридор и объяснять ей (а заодно и всем празднующимся), что грипп очень сильный, задержаться придётся на неделю, не меньше. Тина даже на всякий пожарный сказала номер больницы и палату — если вздумают проверить, пускай регулярно о ней справляются. Как только Тина собралась идти в палату, начальница позвонила ещё раз — не открывалась база данных, спрашивала распечатку, которую Тина делала для себя. Потом прорезался Рустам — спрашивал, когда сегодня забирать с работы, а в результате пришлось ему объяснять всё то же самое и диктовать целый список того, что срочно надо привезти. Вскоре Тина понадобилась Алёнкиной детсадовской воспитательнице — срочно, мол, заберите ребёнка с ветрянкой. Ага, сейчас — из московской больницы прямо в Самару. Пока объясняла, что звонить надо маме, то есть Алёнкиной бабушке, которая там поблизости работает, деньги кончились.

Третье кресло, рядом с Маликой и Катериной, пустовало. Туда Тина и плюхнулась. В горле за время телефонных переговоров пересохло, зато нос вновь размяк.

— ...А у вас есть своё учение о конце мира?

— Всё, что написано в Коране...

— А что там?

— Ну, что мир придёт к концу... Я уже сейчас это вижу — с малых лет все курят и матерятся. А аборт сколько делают! Будут гореть в аду.

— Если вовремя не одумаются...

«С ума сойти! — подумала Тина, прислушиваясь. — Нашли о чём говорить!»

В этот момент Катерина обернулась и будто бы посмотрела на Тину в упор, но не видя её, как она потом смотрела не раз. Непростое какое-то лицо. Усталое, угрюмое, сосредоточенное. А вроде бы и нет, просто задумчивое...

— Засиделась я. Пройдёмся ещё, может, он приехал?

— Давай.

— Ой, Коко! Вот он, Коко!

Малика радовалась как ребёнок и чуть не приплясывала, хотя на седьмом-то месяце особо не потанцует. Имя ли это или какое-

то домашнее прозвище — спрашивать неудобно, но, пока переодевалась в палате, она успела рассказать всем напоследок, что до свадьбы виделись всего один раз, что сперва играли свою свадьбу, а потом, через две недели, расписывались в загсе и что, конечно же, поженились всего восемь месяцев назад.

— На обед, женщины, обедать! — прошла по коридору раздатчица.

— Мы девочки! — высунулся кто-то из палаты.

— Девочки! После семи аборт! — недовольно фыркнула раздатчица. — На обед, женщины, обедать!

В столовую пошли все, кроме прикованной к капельнице Маши. Впрочем, здесь оставляли обед для тех, кто не мог прийти.

— Суп на столах, за вторым подходите...

И только тут Тина заметила, что Катерина подошла со своей миской и кружкой. Ничего подобного у новеньких, конечно, не было. Раздатчица взялась ругаться, хотя, наверно, не первый день тут работала, знала, что привозят на «скорой»... Настроение было испорчено. Даже есть расхотелось. Катерина украдкой перекрестилась, прежде чем опустить ложку в суп, губы её едва заметно шевелились. Ела она неторопливо, с явным удовольствием. Марина, как и Тина, водянистый суп, где мясо и не ночевало, лишь едва ковырнула, и они подошли за вторым. На второе была картошка с мясом, только вот Тине да ещё несколькими новеньким не хватило, а раздатчица опять хай подняла, ругая и новеньких, и стареньких на чём свет стоит. И тут вдруг Катерина уступила Тине свою порцию, уверяя, что не голодная. То ли пожалела новеньких, то ли решила поесть чего-нибудь домашнего. Когда Тина доела, Катерина была уже в палате — она опять крестилась перед иконами на тумбочке, а на столике стояла тарелка со следами горошка с кукурузой. У белобрысой Маши как раз кончилась капельница, медсестра уже отсоединяла иглу.

— Давайте проветрим, а то душно, — предложила Катерина.

— А как открывать?

— А вот этим пультом дистанционного управления, — и Катерина ловко, хотя и не очень

быстро (месяц у неё седьмой, наверно, или уже восьмой?), взобралась на подоконник с длинной палкой.

Поток холодного воздуха сразу же заклокотал в горле, как вода из прованной трубы, так что Тина одним вдохом захлебнулась и поспешила в коридор. В коридоре было уже довольно много народу — многие проветривали палаты перед сном. Марина листала какой-то рекламный каталог, а белобрысая Маша, так Тину раздражавшая, наверно, уже доедала остывший обед. Катерина же успела прихватить из палаты свою книжку — толстую, изумрудно-зелёную, маленького формата, и на ходу декламировала стихи тощей высоченной девахе с едва заметным животиком и страшными нарываками на ногах, причём та слушала с большим интересом. Потом, когда Марина ушла в палату со своим журналом, Катерина с девачихой вышли уже с другого конца коридора и присели в кресло рядом с Тиной. Долговязая чего-то там искала в оглавлении, пока Катерина, видимо, по памяти, цитировала что-то по-немецки, но совершенно свободно и нисколько этим не затрудняясь. Мельком Тина заметила, что издание было двуязычное.

— Новенькая, Кристина! Из триста третьей! Там пришли! — кликнули Тину.

Значит, Рустам таки успел захватить! Может, можно будет с ним поговорить? Тина уже знала, что можно пройти к аптечному ларьку через подвал, но выход оказался закрыт, а в окно его увидеть не удалось. Но пакет всё-таки успел передать разносчице, с которой Тина встретила у лифта.

Когда Тина с пакетом всякой всячины шла в палату, Катерина всё ещё сидела в кресле, только на этот раз с ней была какая-то молодая женщина мусульманского вида, которую Катерина просвещала насчёт борьбы с сердечными и почечными отёками, причём та записывала какие-то рецепты в блокнот.

Тина втихую завидовала тем, кто оказывался рядом с Катериной. Надо будет тоже как-нибудь присесть рядом и кое о чём спросить, тем более что она разговоров не чурается, хотя и окрестила её Тина про себя профессорской дочкой за какие-то старомодные обороты с «ежели» и «однако». Может, конечно, и не

профессорская дочка, но явно не из рабочей семьи, а уж людей-то Тина научилась распознавать ещё на прошлой своей работе, когда соцопросы проводила.

Едва Тина успела распаковать пакет с едой, передача пришла и Маше, и Марине. Обе бросились распаковывать пакеты, почти хором ругая недогадливых мужей, забывших то зубную щётку, то расчёску, а то — плеер с любимой музыкой. Когда вошла Катерина, все как будто замерли, а она всего лишь поморщилась и сказала, воспользовавшись неожиданной паузой, чтоб при ней в палате мата не было. Фу-ты ну-ты, какая нежная! Ну точно — профессорская дочка.

К вечеру, когда снег уже посинел, передача пришла и Катерине. Она что-то искала в пакете, сосредоточенно шурша и вполголоса что-то про себя приговаривая. Думали, достанет что-нибудь вкусненькое и присоединится, позвали к столу, но от всепалатного минипира Катерина отказалась, достала заложенное в какую-то книжку письмо и углубилась в чтение.

— Что, муж пишет?

— Угу, — ответила Катерина, не отрываясь от чтения.

— На двух листах! И с обеих сторон!

Катерина смотрела на них невидящим счастливым взглядом, будто не просто читала, а разговаривала с мужем.

— Что хоть пишет-то?

— Работу ищет, есть хорошее предложение. Девчонки выздоравливают, — ответила она и снова вышла в коридор — походить. Когда же Катерина вошла, Марина — этакая столичная штучка — всё ещё рассказывала о том, чем лучше ногти полировать и как у них ходят на работе. Катерина, обычно в подобных разговорах участия не принимавшая, снова забралась на свою кровать и достала письмо — перечитать.

На домашних-то вкусностях распировались так, что и на ужин не пошли, обсуждая уже всё на свете — моду, погоду, бывших и настоящих мужей, проблемы воспитания детей, ведь ни Маша, ни Марина ещё не рожали, так что Тина, естественно, ощущала себя старшей. И вот когда Тина излагала свои взгляды на при-

кормы, с ужина вернулась Катерина и не то чтобы стала спорить — просто с толку всех сбילה своими вопросами. Тогда Тина ещё не привыкла к тому, что Катерина не говорила обычно ни да ни нет, а через некоторое время задавала встречный вопрос. Тут-то как раз и выяснилось, что Катерина ждёт уже четвертого, так что внимание всей палаты переключилось на неё.

— И как же вы живёте? Один муж ведь работает?

— Да. Он работает, а я — в декрете. На работе только и появляюсь, чтобы очередной раз продлить...

— Тяжело?

— По-разному. Когда в поликлинику идёшь — Тюньша-Федюньша дверь держит, но зато девчонок одевать-раздевать — упаришься. Двойняшки — они ведь настырные, что одна — то и другая.

— А помогает хоть кто?

— Иногда. Вот мы той ещё зимой в консерваторию ходили — так тогда бабушка была, а недавно деда впрягли, чтобы в кино сходить...

Обалдеть. Это чтобы из пелёнок-распашонок только раз в полгода и выплывать? Чтобы жить на одну только Тинину зарплату впятером и при этом прозвища детям давать, сказки им на ночь читать и по вечерам приплясывать под музыку, переделывая детские песенки на свой манер?

— Так ты что, совсем не предохраняешься?

Тина посмотрела на неё в упор, а Катерина будто бы смутилась на секунду, но как ни в чём не бывало перевела разговор на другую тему:

— Ну, у нас же и льготы есть — за детсад, за проезд, так что жить можно. Я же только называется, что сижу — бегаю постоянно: то собес, то субсидии оформлять... Вот и знаю то, что по телевизору никогда не покажут. Недавно, например, в очереди один «король Лир»...

...Марина понимающе улыбнулась, а Тина внутренне вскипятилась: откуда ей со своим средним образованием знать какого-то короля Лира?!

— ...про северные города рассказывал. Деревянные мостовые! То, что иногда называется гать — ну, доски сколотят кое-как и через грязь

проложат, пока не сгниют. Да это ж Новгород двенадцатого века! Впору берестяные грамоты искать! Да только негде, потому что и жильё — бараки деревянные безо всяких удобств, так что после пожара только и остаётся, что название на карте! Вот «король Лир» оттуда и уехал, живёт по очереди у трёх дочерей и приходит, чтобы перерасчёты делали за коммунальные платежи. И хорошо, что мы новости раз в месяц включаем...

Они ещё и телевизор не смотрят! Книжки, наверно, читают до одури — вон как Катерина щурится, вглядываясь в часы, стоящие на тумбочке!

Катерина вышла в туалет, а когда вернулась, за ней почему-то пришли:

— Бернарт, на УЗИ с пелёнкой!

— Бернгардт, — вполголоса поправила она медсестру и полезла куда-то в тумбочку, отыскивая пакетик с пелёнкой.

...И в фамилии тоже что-то такое, упрямое, будто камешек перекачивается.

Вернулась она поздно, уже свет собирались было выключать, но тут Маша начала рожать, так что Тина с Мариной заметно оживились и после третьего Машиного визита в туалет сдали её медсёстрам в клизменную. Белобрысая дурёха ревела почти в голос: «Я боюсь!» Катерина села с ней, о чём-то поговорила, а под конец сняла что-то с шеи, вроде крестика, но при этом крестик-то на самой Катерине остался, золотился себе как ни в чём не бывало. Когда Машу уже увели на другой этаж, Катерина набросилась на них:

— И чего вам не сиделось? Зачем вы её сдали?

— Как зачем? Там врачи, они разберутся. Не здесь же ей рожать?

— А почему бы и не здесь? Я всех дома рожала, без лишней нервотрёпки, а она и так испугана — зачем вот ей все эти капельницы и суэта? Отдохнула бы хоть ночью во время схваток, первые роды обычно долгие, а теперь ей поспать не дадут!

...Когда Катерина кипятилась, от её округлой речи, с «ежели» и «однако», и следа не оставалось.

Взяла с тумбочки какую-то красную книжицу и вышла в коридор. Прошла туда, потом обратно, снова в тот конец и опять обратно, пока не

успокоилась в кресле со своей книжкой, шепча что-то вполголоса. Никто больше не собирался рожать на ночь глядя, так что дежурные медсёстры, которым Катерина, сидящая со своей книжкой неподалёку от поста, все глаза промозолила, предложили ей феназепам. Катерина только покачала головой и зачем-то показала им обложку книжки, после чего от неё отошли. Читала Катерина как-то странно — то с начала, то с конца, то где-то посередине и постоянно искала что-то в оглавлении.

Что ж это за книжка такая, от которой феназепам отступает и нарушительницу режима в палату не загоняют? Буквы славянские, что-то трудноразличимое, но Тина всё-таки разобрала — Молитвослов и Псалтырь.

После своей красной книжицы и хождения по коридору Катерина засыпала моментально, а вот Тина никак уснуть не могла — всё сморкалась и бегала в туалет, так что утром проснулась совершенно усталой и разбитой. И что за порядки — в шесть утра бежать с баночкой в туалет, а потом ещё голодать, дожидаясь, пока на кровь не позвуют!

«Кровавый» кабинет был как раз напротив столовой, которую пока не открывали, хотя добрая половина уже маялась, зажимая ватки в локте.

— Знатный вампир этот Вассерман! Раз три-четыре в каждую беременность присасывается! — сказала Катерина, пытаясь улыбнуться. Нестройная очередь забросала Катерину вопросами, удивляясь, как можно, ожидая четвёртого, так выглядеть. Сказать, что Катерина выглядела моложе своих лет — значило ничего не сказать, потому что между её внешностью и паспортным возрастом пролегла настоящая пропасть в пять-семь, а то и все десять лет, ведь незадолго до больницы ей уже стукнуло тридцать.

В столовой в тот день кончился сахар, поэтому овсянку окрестили «кашей на физрастворе». Кто оставлял тарелку сразу же, кто доставал из заначек варенье, мёд и прочие сладости, Катерина же съела всё, пояснив, что ещё дома к таким кашам привыкла, но небольшие свои запасы сахара выставила на стол и ничем не выказала себя, когда Марина высыпала остатки себе в тарелку.

Марина, по всей видимости, голод переносила очень тяжело, недаром же впоследствии Катерина метко назвала её «охотницей». Охотиться она начинала сразу после пробуждения и своей добычей из холодильника явно наслаждалась. Каша на пресловутом физрастворе, хоть и сдобренная сахаром, не сразу достигла сознания Марины, поэтому на выходе из столовой Марина как будто бы споткнулась и медленно-медленно, стараясь удержаться за дверь, сползла на пол, неловко повернув руку. Сбежалось всё отделение, так что до самого обхода медсестры поминутно навдывались в палату с душераздирающим запахом нашатыря. На обход приходил Михаил Акопович, которого за глаза величали Траншеичем. Поговорить он любил, хотя и назначал всем одно и то же, не интересуясь — помогло или нет. К «траншейному» фурацилину с бромгексином дежурная акушер-гинеколог на всякий пожарный добавляла но-шпу с феназепамом, отчего все спали и не имели поводов жаловаться на высокое давление. Катерина — так та вообще часть таблеток просто выбрасывала, зато пила что-то своё, из тумбочки. Впрочем, её отношение к медицине вообще было весьма оригинальным. Спросишь, например, почему прививок детям не делает, а она в ответ:

— А почему надо здоровому впрыскивать всякую гадость в кровь и считать, что теперь стало лучше? Чему бывать — того не миновать...

Вот и думай после этого, о чём никогда не думалось, а Катерина как ни в чём не бывало возьмёт свой диктофончик и слушает что-то через наушники. На кассетах. Удивительно, что ещё кто-то ими пользуется, когда все нормальные люди давно на диски перешли. Просила Тина как-то раз послушать её музыку, но долго слушать о том, как на кухне вода горька, или о том, что есть вопросы безответные, как-то увязанные с историей этого мира, было невозможно: во всём этом было так много Катерины, будто она сама это написала.

Машина постель недолго пустовала — пришла сестра-хозяйка менять бельё, потому что Маша к утру родила мальчика, а на её место привезли новенькую с урологической фа-

милией Нечипоренко. Новенькая как раз вошла в палату, когда сестра-хозяйка взялась обвинять Катерину в поломке умывальника, который и без того подтекал так, что воду никто не решался включать на полную мощность. Катерина спокойно выдвигала свои логические аргументы, которые на сестру-хозяйку, привыкшую к подчинению, просто не действовали, так что и у Катерины в конце концов вышло всякое терпение:

— Ну почему же я, в самом-то деле?! Не одна тут лежу!

— Вы сюда лечиться пришли или мне дерзить?

Если бы сестра-хозяйка нарвалась на Тину, перепалка переросла бы в скандал, а если б ей случилось обвинить новенькую Илону, которую называли то Алёной, то Алиной, то Ариной, та б её просто обматерила, и дело с концом. Катерина же просто смолчала, надеясь, видно, что «мокрое дело» рассосётся само собой. Но сестра-хозяйка каждый раз, встречая Катерину, в тот злополучный день повесившую свежевыстиранные носки на батарею безо всякой маскировки, неустанно напоминала о сломанной раковине.

Новенькую ежедневно будили на анализы, пока, наконец, не разобрались, что Нечипоренко — это фамилия, а не название анализа. Разобрался, конечно же, не Траншеич, а молоденький дежурный врач, навестивший соплявую палату как-то в субботу, когда Катерина ещё дохла по ночам, Тина хоть и реже, но сморкалась в свои бумажные платочки, а Марина с Илоной спали мёртвым феназепамовым сном. Он же, студенческого вида человек с такой же неудобоваримой фамилией, как у Катерины, сперва остановился у Катериной тумбочки с иконами и сделал такое лицо, будто встретил одноклассника, имя которого позабыл. Всех внимательно выслушал, а у Катерины вдруг решил поинтересоваться, откуда она, и оказалось — земляки, из какого-то затерянного на карте Златоуста, причём — из ссыльных немцев. Посоветовал землячке какое-то дорогое лекарство и, поправляя съезжающие очки, вышел.

— А немцы — они же вроде католики? — спросила Тина.

— Да, вообще-то католики, но обычно никто этого и не помнит.

— А муж кто?

— То есть?

— Тоже немец?

— Нет, русский и православный.

— И как вы вместе?

— Нормально. Только два Рождества получается: двадцать пятого, когда у детей ёлки начинают, мы родителей приглашаем, а сами празднуем седьмого января...

— Круто! Вдвое больше праздников! — отозвалась Илонка со своей постели. Материться при Катерине она не решалась, хотя Тина поняла, что на языке Илонки вертелось куда более сильное слово. Тут зазвонил Катеринин телефон, а вслед за ним проснулся и Тинин, стоящий на подзарядке.

Домашние радовали, по всей видимости, одну только Катерину: Марина что-то сосредоточенно втолковывала мужу по-английски, Илонка по-детски на кого-то обижалась, зато ей, Тине, постоянно выматывали душу какими-то проблемами: то Рустам чуть было маме не проболтался о её беременности, то Алёнка свою ветрянку сковыривает, то начальница под влиянием тяжких трудовых будней грозит увольнением...

В самом деле, разве лечится грипп за три дня? За такое время даже с обычной простудой не справиться! Катерина — и та своё тайное средство пьёт уже вторую неделю, правда, у неё не грипп, а бронхит...

За всю свою жизнь Тина только однажды лежала в больнице: когда с мотоцикла слетела. Вот тогда действительно всё решилось за три дня: собрали кучу анализов и, сказав, что сотрясения мозга и в помине нет, отпустили, а тут... Тина начинала скучать: потянуло на долгие разговоры. Марина чаще всех выходила в коридор со своим беспокойным сотовым, упелёнутым в новенький розовый футлярчик, и в Тинины проблемы вникать не хотела, Илонка неотрывно читала свои цветастые фантастические книжки со скоростью поистине фантастической, так что оставалась одна Катерина, тем более что собеседником она была редким: всегда задумчиво выслушивала, никогда не перебивая, но главное — не навязывалась со своими советами.

Ещё в первый вечер Катерина окрестила её самарянкой у колодца, не ответив на удивлённое «как ты узнала, что я из Самары?», только чуть улыбнувшись. Теперь же, в долгих коридорных разговорах нашла время объяснить — что же это за самарянка, так что Тина согласилась, что настоящий муж — он один на всю жизнь и что Рустам, пожалуй, и есть тот самый, настоящий. Рассказала, как развела Рустама с женой, от которой всё равно детей не было, как нашла съёмную квартиру подешевле и как собиралась отсудить комнату у первого мужа.

— Да он вообще молиться на меня должен, правда, Кать?

Тина так и застыла, полуобернувшись, не решаясь посмотреть Катерине в глаза, но уже чувствуя, что от этого холодного недоумения легче не станет.

В коридоре уже не казалось так холодно — то ли потому, что Тина пошла на поправку и уже почти не сморкалась, то ли потому, что в туалете наконец заменили клеенное из трёх кусков стекло на целое и не так дуло по ногам... Вот и Катерина ночами уже не бухала в подушку и свой долгополый утеплённый сиреневый халат сменила на жизнерадостный зелёный, хоть и с длинными рукавами. Да и за столом вечерами завязывались долгие разговоры на темы физиологически-жизненные. Тина рассказывала, намазывая паштет, как она справлялась с Алёнкиными запорами, а Катерина, задумчиво прихлёбывая чай, прибавляла — как запоров не допускать, Марина же с Илонкой мотали на ус, сидя на своих кроватях с кроссвордами и в чаепитии не участвуя. Вот в один из таких вечеров Тина и проболталась о своих двух абортах — ещё от тех двух неофициальных мужей, которые были после первого, алкоголика. И снова, как тогда, в коридоре, поняла — не следовало этого говорить. И оправдываться, чувствуя спиной Катеринин взгляд, тоже не следовало:

— Ну а что: высшего образования нет, денег нет, квартиры толком — тоже...

— Тогда, конечно, остаётся малознакомых мужиков через постель пропускать...

— А что?

— А то, что над одним — сюсю-мусю, а другого — в канализацию по частям!

И вышла. Долго ходила по коридору со своей красной книжицей. Медсёстры, наверно, устали предлагать ей феназепам и интересоваться — не начались ли схватки. Впрочем, и сама Тина не засыпала — именно это время выбрал младенец, чтобы сильно и довольнотак больно толкнуть её изнутри своего плотного, марсово-красного мирка. Знай, мол, что я здесь.

Катерина наконец вошла и села на свою скрипучую кровать. Стянула носки, взвизгнула быстрой молнией халата, ткнула кулаком подушку...

— Ишь, опять толкается. Второй раз уже за сегодня, — вполголоса сказала Тина.

— Поздравляю, — усталым голосом отозвалась Катерина.

Дочку Тина всегда хотела назвать Светланой. Два имени ей нравились с детства — Елена и Светлана. Алёнка уже есть, так что теперь дело за Светой.

— А если я её Светой назову, за неё же нельзя будет в церкви записочки подавать?

— Можно.

— Но это же не по святым!

— Записать Фотинией. Так, по преданию, звали ту самую самарянку.

Тина на радостях зачем-то начала рассказывать Катерине о крестинах Алёнки — как холодно было в машине, как чуть было не увязли в сугробе и как отогрелись только в крестильне — там, кстати, и в купели вода была тёплой!

— За некрещёных надо молиться. За умерших некрещёными, — ответила Катерина усталым голосом, полуобернувшись, и таким тоном, каким втолковывают что-то самоочевидное глупым, без умолку балаболящим детям. Так иногда мама разговаривала с Алёнкой.

Тина тоже не стала к ней поворачиваться. Катерина лежала не шелохнувшись, но Тина чувствовала, что она не спит.

— Правда, будут меня бесы на сковородках жарить...

— Это всё мусульмане так говорят. Они не верят в прощение.

В ту ночь они проговорили почти до рассвета — перебрали все возможные и невозможные

имена для мальчиков и девочек, обсудили — как сказать об этом маме, можно ли венчаться с Рустамом, если они не расписаны, а под конец Тина забросала Катерину вопросами насчёт детских пособий, но голова уже плохо соображала, и Тина не всё запомнила.

Рано утром ещё разбудили на анализы, а в знаменитом «кровавом» кабинете спросили:

— Жертва на выписку?

С самого завтрака на невыспавшуюся Тину обрушились звонки. Первой позвонила мама — начала отчитывать Тину: «Одного на меня повесила, теперь и второго хочешь?» Главное — никакие аргументы — что уже четвёртый месяц, что он шевелится — на неё не действовали. Напротив, она уверяла, что делала аборт и на пятом месяце — «когда отец ваш сидел и когда с отчимом разошлась». Связь внезапно прервалась, Тина ждала, что она ещё позвонит, но тут её побеспокоила адвокатша — пьяница муженёк залил соседей и чуть сам не утонул, суд откладывается по болезни судьи — в общем, ничего хорошего. А пока Тина гуляла по коридору во время проветривания палаты, позвонил Рустам — попал в аварию. Тина знала, что за машину кредит не выплачен и, как оказалось, страховка не оформлена, так что всё теперь — своими силами. Вошла в палату, бросила телефон на постель.

— И за что мне такое наказание?!

Катерина, сидящая за столом с ручкой и листом бумаги, обернулась и посмотрела сквозь неё своим особенным, невидящим взглядом, не сказав ничего.

В понедельник «охотница» Марина ушла под расписку, Илонку с её альпинистским давлением перевели в другую палату, а Катерина, до обеда не дождавшись Траншеича, просила того же молоденького дежурного врача поскорее её выписать. Тот землячке не отказал — сказал, что анализы уже хорошие и что теперь вполне можно выписывать. Оставалось только позвонить мужу, чтоб забрал, впрочем, он, будто прочитав её мысли, позвонил сам.

Катерина, вытащив все свои пожитки из тумбочки, разложила их на кровати. Вполголоса что-то бормоча, она начала складывать вещи в два больших пластиковых пакета с красными накладными ручками. Вскоре паке-

ты наполнились под завязку, да и в матерчатую продуктовую сумку, с какими бабушки на базар ходят, уже нельзя было положить ни пакетик с умывальными принадлежностями, ни посуду, поэтому Катерина подарила сестре-хозяйке пакетик винограда, уборщице — пару бананов, а сама положила в миску яблоки и понесла мыть. Тину это всё почему-то несказанно разозлило:

— Многодетная мать! Раздаёшь, будто дома не надо! Будь я твоей матерью, я б тебя за косы оттаскала!

— Не сомневаюсь, — спокойно отозвалась Катерина, будто ожидая этого, — а у нас всегда всем делились с друзьями и соседями.

Она спокойно доела два яблока, собрала в руку мандариновую кожуру и понесла выбрасывать мусорный пакет в мусоропровод. Вернувшись, присела на краешек постели, как человек, ждущий прибытия поезда с минуты на минуту и тяготящийся бестолковым досугом. Обычно молчаливый Катеринин сотовый вдруг зазвонил, и она вышла в коридор — поговорить с матерью, а потом поставила его на подзарядку.

Тине всё происходящее отчего-то казалось стремительным, как видеоплётка, перематываемая при невыключенном изображении, хотя собиралась Катерина полдня, муж за ней приехал в потёмках, сильно сгустившихся и пролившихся длинным и унылым февральским дождём.

Тина не понимала, почему ей так хотелось увидеть, из какого выхода они пойдут, почему такая тоска навалилась на неё, когда поняла, что проглядела, оставшись без Катеринино адреса и телефона; почему хочется рыдать, будто рассталась не со случайной знакомой, а с родной сестрой, и как в одиночку, среди голых сеток и закатанных матрасов, доползти до коридора, чтобы крикнуть на пост медсёстрам о горькой боли начавшегося выкидыша...

АНТОНИНА & АНТОНОВ

Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом...
(Из песни Олега Газманова)

*Я сплю, а сердце моё бодрствует.
Положи меня как печать на сердце своё,
как перстень на руку твою...*

(Из Песни Песней)

Антонов хорошо помнил этот год. Их часть расформировали, когда до пенсии оставалось всего ничего — два года. В военном городке никакой работы не было, немногие устраивались поблизости — кто грузчиком, кто охранником, а большинство — уезжали к родственникам по городам и весям. Антонов же хотел преподавать в военном училище, но место оказалось занято. В дворники и грузчики идти не хотелось, да и то — их теперь повсюду был явный переизбыток. Промыкавшись пол-года, в сентябре поехал в Москву, где, оказывается, до бесквартирных офицеров никому не было дела. Хотел было поворачивать обратно, как вдруг подвернулась неплохая работа в маленьком издательстве при вузе. Работа была хороша из-за тем, что зарплату обещались платить вовремя, да и взяли официально, по трудовой. Антонов снял комнату в коммуналке — хоть и по знакомству, но мысль о том, что ползарплаты будет уходить на жильё, а на всё про всё останутся жалкие

крохи, не грела. Впрочем, он втайне лелеял мечту, что ещё завяжет нужные знакомства и устроится получше.

Приходилось начинать с малого, быть мелкой сошкой. Как он ни пытался доказать себе, что всё это ничто, что он ещё добьётся своего — было в нём какое-то раздражение и недовольство. В табели должность его значилась как экспедитор, а на деле был он простым шофёром, да ещё и смотрели на него как на грузчика. Сперва предполагалось, что Антонов будет развозить журналы, но вскоре повесили на него и заключение рекламных договоров, и многое другое. В те дни, когда развозить было нечего, Антонов вешал стенды, разбираал завалы списанной мебели, а то и чинил что-нибудь из сантехники.

Весь сентябрь и присесть было некогда — то одно, то другое, зато в октябре Антонов начал потихоньку обживать на своём месте. Кабинет небольшой, всего на четыре стола. Вдоль стены — Анна, надолго не задержавшаяся, — долговязая, как антенна; за ней — редакторша Алевтина, склоняющаяся на работе над какой-то левой корректурой и вечно вздрагивающая, а у окна — она, Антонина. Из всех равновесных имён, начинающихся на «А» и так же оканчивающихся, это было самое лучшее. Тогда ещё только-только приживалась эта западная манера называть друг друга просто по имени, без отчества, очень смущавшая Антонова, и без того чувствовавшего себя в женском коллективе как-то неловко. Журнал выходил всего раз в два месяца, так что после вала работы вся контора маялась от безделья.

Антонов поселился всего в получасе ходьбы до работы и всегда приходил первым. Его, привыкшего к военной точности, сперва удивляло и возмущало то, что здесь было принято опаздывать и на четверть часа, и на полчаса, и даже больше. Но сразу же после него приходила Антонина, и оставался небольшой зазор, пока не подтягивались остальные. Антонина раскладывала на столе бумаги, распаковывала чай, выходила в коридор к холодильнику... Под её руководством после утреннего чая Антонов потихоньку осваивал компьютер.

Вместо уволившейся через неделю Анны к

ним стала заходить Капитолина Анатольевна, или Капа, новый менеджер по рекламе. Она передавала какие-то никчёмные бумаги, задавала странные вопросы, причём норовила попасть в тот самый промежуток времени, когда в отделе не было никого — только он и Антонина.

Антонов уже по звуку научился определять, как капает она по коридору короткими толстыми копытцами каблучков, всегда, как школьница, в белой блузке и чёрной юбке. И тонкая золотая цепочка между увядших грудей. Как бы невзначай склоняется, опахивает стойкой парфюмерной вонью, будто по флакону в день на себя выливает. Так бы ей и сказал, чтобы не мешала смотреть на великолепную Антонину. А от неё — лишь тонкий, едва уловимый запах ручки. Антонов же носил в кармане пиджака автоматическую ручку — мечту школьного детства — и по старинке писал чернилами, так что Антонина постоянно подшучивала над ним.

У неё же буквы выходили недовылупившиеся, будто с трудом разлепляющие сонные веки, не оставляло ощущение нескончаемости почерка. «Увлекающаяся натура», — решил Антонов с того самого раза, когда, придя на собеседование, увидел на столе её листочек с недоконченными стихами. Придя, она смутилась и поспешила перевернуть листок тыльной стороной, но довольно быстро взяла себя в руки и защebetала о чём-то нейтральном... А Антонов с первого раза запомнил эти странные строки:

*Ты — иудей, и я — иудей,
Господи, сверху тебе видней,
Я ведь частичка плоти твоей —
Ты, как и я, иудей...*

Почему-то потом, при виде её листочков, придавленных мышью или приклеенных к монитору, думалось о липкой, будто бы летящей паутине тумана, не оставляло ощущение яичной плёнки внутри, то ли залепляющей рот, то ли выходящей с дыханием. Запомнив почерк, трудно было не узнать и человека, и была странная уверенность, что эти буквы подскажут и поворот головы, и форму носа, и отчаянный блеск глаз, и манеру разговора.

Он и узнал её сразу, каким-то необъяснимым нутряным чувством. Нет, даже не потому, что на одной цепочке Антонина носила звездочку и крестик. Что-то неназываемое в ней будто окликало Антонова. В те дни, когда он видел её, Антонова почему-то вновь тревожили сны...

...Он видел себя в аудитории первого курса, будто на каком-то экзамене — кто-то из знакомых не только по институту, но даже из соседей-школяров подходил, брал билет и садился с листочком подальше от преподавательских глаз. В голове было пусто. Игорь ничего не знал ни про экзамен, ни о том, какой предмет сдаёт, но надеялся вспомнить это, прочитав билет. Он долго шарил, выбирая билет и чувствуя на себе недовольный взгляд преподавателя. Билет был под номером сто восемнадцать, и Игорь сразу вспомнил вредного математика в школе, у которого на экзаменах как раз и бывало столько, но ведь сдавали-то древнюю историю! В голове возник шёпот: «Битва у Мегиддо, битва у Мегиддо, какой год?» И совершенно нельзя было понять — просит ли кто подсказки или сам подсказывает ему. Игорь хотел обернуться, но почувствовал вдруг, что за спиной никого нет, некому спрашивать. И — всё тот же недоумевающий, но уже будто подсказывающий шёпот: «Как же ты можешь не знать, ведь битва уже была...» И тут шёпот прерывается, Игорь пытается внутри себя что-то расслышать, но в аудитории уже никого нет, он последний. Игорь встаёт, и крышка парты хлопает оглушительно, как в школе. И сердце, как бегун, набирающий скорость, вдруг по слогам выстукивает с опаской: Ар-ма-гед-дон.

С этим неостановимым, чуть было не разбившимся сердцем он и проснулся. Пошёл на кухню за корвалолом, заснул опять...

...Он шёл по бугристой, выжженной земле. Шёл, и каждый шаг его отпечатывался, вминался сюда, где земля помнит всех — от последнего до гроба. Огромное поле, наполненное смертью. А под ногами какие-то железяки — гайки, болты, ржавые бритвы... И вдруг Антонов видит — вот она, готовая взорваться граната, убежать не успеет, времени нет...

На работу чуть было не опоздал, пришёл —

тютелька в тютельку. Антонины не было. Она пришла пять минут спустя, вместе с редакторшей, и говорили о чём-то своём, женском, о какой-то косметике.

— А, Игорь Иванович... Уже здесь?

Пока ополаскивал чайник, столкнулся в коридоре с Капой, которую про себя окрестил Элиа Капитолина. Было в ней нечто ненастоящее, приклеенное, как вот это переименование Иерусалима, случившееся в первом веке нашей эры, и она явно искала его общества по каким-то личным причинам. Антонову стоило большого труда сдержать раздражение и на неё, и на то, что сегодня его компьютерная грамотность заснёт на вчерашнем уровне.

— А мы вас ждём, Игорь Иванович, не в чем чай заваривать.

Чай сегодня почему-то принесла редакторша, хотя обычно заваркой и сладостями к столу заведовала Антонина.

Антонина была дочерью богатых родителей, и это чувствовалось во всём. Была в ней какая-то детская непосредственность, какая-то солнечность ребёнка, ни в чём не знавшего отказа. Она охотно соглашалась «купить чего-нибудь к чаю» на всю контору, причём никогда не скупилась. Могла на день рождения принести такой коньяк, на который у всей конторы зарплаты не хватило бы. Вообще, зачем ей была нужна зарплата — на карманные расходы? Видимо, родителям нравилось, что дочка хоть где-то работает, стаж идёт.

Чай пили втроём. Антонина с редакторшей щебетали о чём-то своём, не обращая внимания на Антонова, что, впрочем, не удивительно в женском-то коллективе. Антонов же тайне думал о том, как будет думать о нём она, если он так и останется простым шофёром. Впрочем, полно — когда бы это девчонка двадцати лет стала глядеть на человека, годящегося ей в отцы?

Крупнотелая, но не толстая, глаза беспокойные, радостные, и это вечное в ней, невидимое дрожание, останови его — и вся жизнь замрёт...

Будто где-то, даже в самые спокойные минуты, в ней подрагивает эта невидимая стрелка. Крестик — вот стрелка на циферблате её жизни, звёздочка — луч, направленный в прош-

лое. И кто бы мог подумать? Каштановые волосы до плеч, глаза — тёмно-серые, иногда будто бы голубые, тонкий, длинноватый нос в форме капли, стекающей по стеклу...

Погода была смурная, сонная. Из ватной тишины тумана по карнизу задумчиво прошлись несколько разрозненных валериановых капель, неожиданно сгустившихся долгоногим мальчишески-здорным дождём, разбавляющим коньячно-кленовую настойку луж.

— Кофейку бы...

— Ой, у меня же и кофе есть! Тётя Фира в гости приезжала! Правда, в зёрнах...

— А у нас на кафедре — кофемолка, я сейчас схожу, — вызвалась редакторша. — Только что тут написано?

Антонов без труда прочитал всё то, что обычно пишут на кофейных пачках, и сумел уйти от ответа — где научился арабскому языку, но мельком будто бы поймал удивлённо-восторженный взгляд Антонины, в который так хотелось верить.

За кофе Антонина рассказывала о своей тётке Фире и недавней поездке в Израиль, и все — даже припозднившаяся Капа — с интересом слушали.

— На таможне: какие у вас отношения с родственниками? Ну, а какие они, если тётя Фира двадцать лет с мамой не виделась, с тех пор, как уехала. Стоим, мнёмся — хорошие, дружеские, вот, пригласили... А таможенник опять, будто не слышал. Мы ему снова — хорошие да хорошие, а он не выдержал и как гаркнет: братья они вам, бабушки или дяди-тёти? А мы уже поняли, хохочем, не можем остановиться... А как мы чай у тёти Фиры пили! Она рассеянная донельзя, а тут и мама наш пакет забыла. Приходим на пляж — ни купальников, ни бутербродов. Так я и плавала в своей майке — она намочила и просвечивать стала, но на обратном пути всё быстро высохло...

С котом тоже — целая история. Его не покормишь — он злой становится, зверюга, а тут везти надо. Затолкали в корзинку — сперва рычал, потом вроде притих. Ну, как туда летели — нам таможенник вредный попался. Объясняем ему, что кот, мол, да и корзинка дырчатая, всё видно, а он требует и подкладку вытащить, и кота... Сунулся прямо туда — а Ми-

хей как цапнет его за руку! Мама к аптечке бросилась, йод и пластырь достаёт, а таможенник орёт, что зверь бешеный, что стрелять его надо на месте... Мама еле уладила — все документы кошачьи разложила — домашний, мол, привитый...

— Михай! Вот придумали!

— Да, там официанта в кафе Михеем звали, он всё к нам оборачивался, думал — о нём говорим. А тётя Фира захотела взять котёнка от Михея, мы как раз в кафе и договаривались, что привезём на следующий год. Привезли уже полугодовалого, но ничего, прижился. Барсиком назвали, кастрировали — чуть не больше Михея вымахал!

А как они развестись хотели с дядей Лёвой! Нет, не по-настоящему, а чтобы пособие получать. Ну да здесь вам не там, хорошо, что не успели. У них так соседи сделали, да их потом на чистую воду вывели. Да, прямо так — ходят и проверяют — живёт с женой или не живёт. Раз застали, два застали — и прощай пособие, и позор на всю округу.

Квартира у них трёхкомнатная, сейчас поменяли на двушку, а то платить тяжело. Сын из армии пришёл, женился и живёт отдельно, мы к ним в Эйлаг ездили. Курортный город, красота, пальмы...

...Антонина, с виду сибирячка сибирячкой, оказывается, так любит солнце: голос потеплел, лицо будто всё жмурится. Увезти бы её куда-нибудь на море, согреть...

Антонов не мог понять, чем же его раздражал этот её бытовой, повседневный Израиль — тёти, коты, забытые купальники... Не обязана же она была знать и понимать, что чувствует он.

...Они все были в арабской форме, но без погон и других знаков отличия. Документы полагалось при попадании в плен съесть, сжечь, уничтожить любым способом. У арабов были наши машины, наше оружие, а там, с той стороны — американские самолёты, «Фантомы». Чудо техники по тем временам. Только наши шальные ребята могли «Фантомов» этих гонять на своих «Мигах». Мальчишество, конечно, только «Фантомы» почему-то поворачивали назад: зачем с сумасшедшими связываться? Арабы-то этих заморских самолётов боялись как огня...

Уже тогда Антонов был не мальчик, и первый восторг от того, что есть что брить, давно прошёл. Каждое утро жёсткая тёмно-русская щетина не желала поддаваться советской бритве: два-три пореза, зуд и покалывание одеколона... Никогда бы не подумал, что тут захочется бриться, а нечем — нет даже тех самых советских лезвий. Придумывали кто что: кто ножиком, кто пряжку от ремня оттачивал, Антонов же наловчился бриться суровой ниткой. Языка никто не знал как следует, но — боже мой! — и кто же им вложил эту мысль — переспорить арабов на свой атеистический лад? «Аллах велик и вездесущ» — показывали знаками арабы. «Нет никакого Аллаха, иначе бы мы его увидели!» — отчаянно жестикулировали наши. Тогда на следующий день принесли кастрюлю с водой, бросили в неё горсть соли и показывают: растворилась. Пальцами в небо тычут: Аллах невидим, но существует. Все почему-то смеялись над «Аллахом в кастрюле», и Антонов был в числе тех, кто выпаривал воду, чтобы показать выкристаллизовавшуюся соль...

Господи, если бы так просто можно было выпарить из жизни всё лишнее и обнаружить то, ради чего стоило бы жить!

Антонов не мог самому же себе дать ответ — почему именно ей, этой девчонке, дочке богатых родителей, он так хотел рассказать о том, что случилось с ним там... Ведь он был там, когда она ещё только родилась. Когда пешком под стол ходила. Ведь двадцать лет уже с тех пор прошло. Даже больше.

Кофейный разговор так же внезапно кончился, как и возник — посыпались какие-то звонки, задания... Антонина с ходу включилась в работу и уже кому-то диктовала телефон — цифирками: три, пять, семь, пять... И как они в памяти удерживаются? Свяжешь их единым словом — двести, триста, шестьдесят — они и закрепляются, и припоминаются легче...

В ноябре Антонина стала пропадать, появлялась на работе набегами — она, оказывается, училась на последнем курсе института, а законного отпуска на госы, сессию и диплом почему-то не давали. В декабре же совсем пропала — поскользнувшись, сломала ногу в лодыжке. Появилась только в конце января.

Антонов полушутя-полусерьёзно вызвался её проводить, обещая доставить «в целости и сохранности», а она почему-то не отказалась.

Две станции проехали на метро, потом шли пешком, и Антонина всё рассказывала, что обычно её подвозил брат, работавший где-то рядом, и даже обещал подарить «жигулёнок», как только купит себе иномарку, но вот, вляпался в аварию... Родители же купили ей квартиру, но только-только закончили ремонт, мебель до сих пор не распакована, а хотелось бы в тишине готовиться к экзаменам, да и на работу поближе... Пригласила к себе «на чай» и, пока Антонов приворачивал спинки к дивану, действительно сумела привести кухню в более-менее божеский вид и даже заварить чаю. И всё же — как будто боялась его, не задавая прямых вопросов, но рассказывая о себе. Антонов прекрасно понимал, что его молчание будет неуместно, но и особо откровенничать не собирался — военный в отставке, разведён, жена с сыном в Симферополе, мать недавно похоронил... Почти залпом допив остывший чай, Антонов вышел, сказав на прощанье что-то о встрече на рабочем месте, чтобы покончить со щекотливой ситуацией одним махом. За кого она его держит? За бесплатного сборщика мебели или так рассчитается, что ходи сюда как на работу?

Боже мой, только не это! Блузку расстёгивает, шепчет — Игорь, не прибавляя обычного — Иванович... Антонина! Ласточка ты моя! Да послушай же ты про то, что песенно должно быть, не буднично! И не мальчик уже — по чужим квартирам прятаться...

Антонина уже спала на широком, разобранном диване. Ничего у них в тот раз не вышло, но было уже ясно, что обратного пути нет...

Антонина. Особое, будто бы качающееся равновесие этого имени. И он своей фамилией мог бы дополнить её, сообщить новую силу этой неведомой равновесной точке дрожания... За кого его примут её родители? За авантюриста, ловца богатых невест? Господи, как же глупо... Давно так не волновался...

После свадьбы Антонов в конторе не появлялся — ушёл в Чечню по контракту — деньги были нужны, не хотелось и в этом зависеть от

её родителей с туманными обещаниями какой-то работы в маленькой фирме.

Приезжал домой несколько раз — Антонина была уже беременна дочкой — но спать почти совсем не мог. Среди всеобщего раздолбайства первой чеченской почему-то вновь приходили сны о той войне, и нельзя было заснуть. Хотел ей рассказать о том, что случилось с ним там. Нет, даже не то печалило его, что афганцы теперь могли выговориться, а они — нет, другое. Он стучался в закрытое небо. Стучался и не мог вспомнить — откуда это. Будто бы была какая-то песня, что-то вроде русского рока, потому что слова эти вспоминались с приглушённым лоскутом музыки — то ли бывшей, то ли не бывшей, звучавшей прямо в сердце. Закрытые глаза неба, будто видишь то, чего не должен видеть, будто летишь сквозь себя, а внутри — такая ночь, такая ночь! Не прозрачная, как вуаль, с мигающими звёздами, а совершенно плотная и беспросветная.

Антонина не спрашивала его ни о чём, будто понимая. Рассказывать ей свои кошмары Антонов опасался, чтобы не смять, не раздавить эту младенческую чистоту. Расстрелы эти дикие на фоне всеобщего раздолбайства — который раз снятся. И в конце всегда он, который расстреливал, сам идёт на расстрел, да так ещё явно, что, кажется, не успеешь проснуться — так и останешься там, и мухи закружатся над остывающим телом...

За две недели до рождения дочки Антонов вернулся окончательно: стало подводить сердце. Будто бы оно срослось слишком рано, не избыв до конца всей боли прошлого. Он даже и рад был проснуться, покачать Танюху, чтобы к рассвету забыться совершенно беспросветным сном без каких-либо сновидений.

...И распечатанное сердце его, надорванное и растрескавшееся, с тех пор будто бы начало срастаться, исцеляясь...

Зять таки взял его в свою фирму. Сперва, правда, фирма занималась сборкой машин, а потом появилась ещё и сеть бензозаправочных. Антонов закрепился главным над одной из таких заправочных.

Отсидев полтора года в декрете, Антонина рвалась на работу, так что Антонову приходилось подменять Ирину Яковлевну с Танюш-

кой, пока в сад не отдали. Впрочем, малышка оказалась несадовским ребёнком — часто болела, отказывалась есть, так что Антонов возил её на каток, а тёща водила в театральный кружок. А потом неугомонная Антонина — тогда она работала в отцовской фирме по продаже машин — настояла, чтобы отдали в гимназию, благо, не так уж далеко...

У неё был тот же удлинённый Антонинин нос и её прозрачные глаза, но зато — антоновские льняные волосы и белёсые брови... И эти бровки с острыми школьными плечиками, чем-то похожие на неё, но в то же время напоминающие Антонину. Таким же остреньким был сначала и английский алфавит, это потом уже все трудности преодолевали без слёз, с интересом — и контрольную по математике, и викторину по Ветхому Завету, и библейскую географию... Увлечшись, они даже макет сделали из папье-маше и раскрасили — для всей школы.

Антонову нравилось бывать с дочкой, проверять уроки — сын-то вырос сам по себе, как трава, брошенный на ясли-сады-продлёнки... Приезжал Алёшка недавно — по военной стезе пошёл, на свою голову, да Людка звонила — пристрой, мол. Ради матери и пристроил, хотя вообще-то парень — не хлюпик, мог бы и с нуля начать.

В самом начале октября, когда редкие дожди ещё не успели сбить на землю позолоченные листья, он, как обычно, привёл Танюшку и уже было собрался на свою бензозаправку, как влетела Антонина сама не своя:

— У тёти Фиры сына убили! Сегодня вечером похороны, она мне звонила. На похороны не успеем, на поминки зовёт... Помнишь, я тебе рассказывала?

Антонов кивнул и обнял жену. Собирались два года назад, но сдали билеты, потому что Танюшку в больницу положили с воспалением лёгких.

— Я там давно не была... и жарко сейчас, купаться можно... — прибавила Антонина и вопросительно посмотрела, будто уговаривая.

Да уж, не холодно... Адское пекло.

— А с работой как быть?

— Я с отцом поговорю, нас подменят на время... Ты же знаешь, им с мамой всё равно нельзя лететь — сердце...

— А ты про билеты узнавала?

— Нет ещё... Тётя Фира мне говорила, что прямых рейсов туда нет, страховать никто не берётся — бояться, так что полетим с пересадками. Час разницы во времени и на субботу бы не попасть... Сейчас, погоди, у меня где-то было...

Антонина откуда-то достала кипу потрёпанных рекламных буклетов и начала что-то в них искать, приговаривая: не то, нет, не то, а, наша! — ой, нет, вот оно!

«Посетите наше кафе!», «Отдых на Святой Земле!», «Крещение в Иордане» — наперебой кричали цветастые бумажки.

Последний буклет был самым потрёпанным — в него были вложены какие-то памятки от туристических компаний. На глянцевой картинке какой-то лысоватый мужик выходил из воды в мокрой белой рубашке поверх одежды, ещё не открыв глаза и поднося руки к лицу — будто новорождённый или недопротеревшийся... Чем-то даже похожий на Антонова...

— Я там была, — кивнула Антонина на последний буклет, — вода в Иордане зеленоватая и как будто солёная.

— А я тут что, с Михеичем останусь? — обиженно протянула Танюшка.

— Отпросим тебя, не переживай. А за Михеичем бабушка присмотрит.

Михеич, будто понимая, о чём говорят, сел на пороге, облизываясь. Он был уже стар и сильно привередлив в еде.

...Билеты забронировали по телефону. Спать уложили одну лишь Танюшку — уговорили: завтра, мол, не встанешь. Антонина же на кухне за мятным чаем пересказывала ему всё, что случилось у тёти Фиры за эти десять лет. Антонов снова закурил, хотя после Чечни было бросил. Он так же ночью вставал, курил, а потом ложился, думая, что жена спит. Она ведь знала, что он воевал там. Там, против них...

Нигде — ни в автобусе, ни в аэропортах — Антонов не мог поверить, что за ним не следят — то подозрительной казалась пожилая арабская пара, то какая-то шумная компания из Питера. У него на плече дремала Антонина, дочка устроилась на коленях, но сам он не мог заснуть. Прислушивался к разговорам, стараясь не выдать своё знание языка, и общаривал салон не только глазами, но будто

бы самым позвоночником. Наконец его ненадолго сморило. Сон. Что-то про воду. Будто они с Антониной одни, на пустынном берегу не то моря, не то широкой реки — не разберёшь. Отряхивает песок, зовёт его купаться, оставляя на песке мягкий, изящный отпечаток — как округлая старинная ваза, как грушевидная жемчужина — так бы забрал с собой и унёс... Он смотрел на свои страшные волосатые ноги, изрезанные шрамами, на бегущую Антонину, уже замедляющуюся в упругой голубизне... И в этой широкой, крылатой воде, смывающей всё, ему так хорошо, как никогда не было наяву...

Антонина не спала. Она сидела, лишь слегка откинув кресло, чтобы Танюшке, устроившейся у неё на коленях, было удобнее. Самолёт резко накренился вправо, потом влево, а когда выровнялся, объявили, что самолёт идёт на посадку и всех просят пристегнуть ремни. Дочка завозилась, спросонья не попадая в застёжку.

Антонов встретился с женой взглядом, и Антонина успокаивающе положила на его руку свою — она смотрела спокойно и устало, а рука была мягкая, будто сонная.

«Я ведь частичка плоти твоей», — про-

мелькнула вдруг в голове эта случайная строчка из полузабытых, казалось, стихов, когда Танюшка восхищённо ахнула, будто только что вдохнув в себя приближающиеся разноцветные огни аэропорта.

□

Мария СОЛОДИЛОВА

(настоящее имя Мария Локтионова,

в качестве псевдонима оставлена девичья фамилия)

родилась в г. Миассе Челябинской области. Окончила

Литературный институт им. А.М. Горького.

Публиковалась в областных и московских газетах и журналах.

В 2010 г. вышел сборник рассказов «Остров Веры».

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

